

Глава 9

Раздавленный пальцами бисквит превратился в липкое, приторное месиво. Му Чунъянь резко поднялся и, не проронив ни слова, направился вон из гостиной. Озадаченный Бай Жун на секунду замер, а затем бросился вдогонку, изо всех сил перебирая крошечными лапками. Со стороны он сейчас невероятно походил на сушёную плюшевую акулу, которая каким-то чудом умудрялась бегать на задних плавниках.

— По... подожди меня...

Каждый шаг Му Чунъяня равнялся доброй сотне его собственных, и малыш быстро выбился из сил, тяжело и часто задышав.

Му Чунъянь резко остановился. Обернувшись, он смерил взглядом запыхавшегося звёздного питомца, чьи щёчки налились пунцовым румянцем.

— Так ты умеешь говорить?

— Я...

Бай Жун растерянно захлопал глазами. Объясняться не хотелось, поэтому он не придумал ничего лучше, кроме как скопировать повадки Куку:

— Хе-хе-хе!

Глядя на заискивающую, глуповатую улыбку своего подопечного, Му Чунъянь лишь едва заметно повёл уголком губ. Он прошёл в ванную, тщательно отмыл пальцы, а вернувшись, подхватил крутившегося под ногами плюшевого акулёнка и перенёс его к обеденному столу.

Устроившись на краю тарелки, Бай Жун уставился на горячую пшённую кашу и румяные жареные пельмени. Слюнки потекли рекой, и он, не выдержав, заговорил:

— Я ещё не...

Слово «почистил» напрочь вылетело из головы. Он запнулся, озадаченно склонил голову набок, силясь вспомнить нужный термин, и наконец выдал:

—... Я ещё не зацвёл.

Му Чунъянь опустил вилку и с сомнением посмотрел на крошечного звёздного питомца, у которого, судя по всему, снова барахлил речевой модуль.

— Ты никогда не зацветёшь.

Бай Жун яростно замотал головой:

— Нет-нет-нет! Я очень чистоплотный! Я цвету по два раза в день!

Му Чунъяню потребовалось немало усилий, чтобы подавить поднимающуюся волну ледяного раздражения. Наконец он глухо переспросил:

— Бай Жун? Это имя тебе дал твой создатель?

— Э-э...

Бай Жун мгновенно осёкся, внезапно вспомнив, что вообще-то должен изображать бесправного робота. Он тут же сжался, превратившись в тихую, кроткую пташку.

— Нет... Я сам его себе придумал. Что, совсем некрасиво?

— Сойдёт, — Му Чунъянь допил остатки бульона. — Вот только твоё имя уже официально утверждено и внесено в базу данных Звёздной сети.

— За... зарегистрировано?

— Именно. Официально ты Красный пламенный лангуст, а домашнее — Сяо Тяньгао.

— И что это вообще за зверь такой... — В глазах Бай Жуна отразилась такая вселенская скорбь пополам с полнейшей обречённостью, что на него больно было смотреть.

— Разновидность ракообразных. Лангуст.

— Какая-то креветка?! — Бай Жун возмущённо ткнул лапкой в свой грозный плюшевый акулий капюшон. — Мелочь пузатая, которая настоящей акуле даже на один зуб не изорвётся?!

— Не совсем.

Му Чунъянь активировал свой терминал. Спустя секунду в воздухе развернулась голограмма: на ней красовалось огромное, больше метра в длину, бронированное создание ярко-алого цвета с колоссальными, смертоносного вида клешнями. Выглядел этот Красный пламенный лангуст невероятно свирепо и грозно.

Бай Жун восхищённо ахнул, раскрыв рот так широко, что туда без труда поместились бы три кунжутных семечка.

— Ничего себе! Что это за чудище?! Какое же оно мощное... суровое!

— Это и есть Красный пламенный лангуст.

— Какое великолепное имя! — Бай Жун восторженно вскочил на ноги, его бледные щёчки залил пунцовый румянец возбуждения. — Оно просто идеально отражает мою внутреннюю силу и харизму! Мне безумно нравится!

— Да... Твоей харизме под стать.

— Хе-хе! Рад, что мы сошлись во мнениях!

— Ешь давай.

— Слушаюсь!

Повеселевший Бай Жун плюхнулся обратно на стул и принялся уплетать кашу с удвоенной энергией. Мордашка малыша сияла от счастья так, что он сам стал похож на тёплую, довольную булочку.

После завтрака Му Чунъянь вернул Бай Жуна в кристально-стеклянный бокс, собрался и ушёл — его ждали дела в Военной академии Шэнъя. Бай Жун усердно махал лапкой ему вслед, пока фигура мужчины полностью не скрылась из виду, и лишь после этого шустро побежал вглубь своего миниатюрного жилища.

Вновь вытащив свой терминал, он запустил обучающие файлы, которые утром успел просмотреть лишь на две трети. Процесс пошёл как по маслу; Бай Жун устроился поудобнее и принялся впитывать знания, весело напевая себе под нос бодрый мотивчик.

Что и говорить, высокий интеллект — великая вещь. Он легко совмещал приятное с полезным, умудряясь усваивать терабайты информации буквально на лету.

К моменту возвращения Му Чунъяня Бай Жун не просто до корки изучил все обучающие материалы — он уже вовсю наслаждался просмотром суперпопулярной мыльной оперы, от которой сходила с ума вся планета Шэнъя. Назывался этот шедевр кинематографа весьма интригующе: «Гениальная девушка-мастер карт: Властный маршал, пощади меня».

Из угла гостиной доносились бурные драматические возгласы:

«— Ты говоришь, что любишь меня, но почему тогда не пользуешься картами моей работы?! Му Чжо, ты меня совсем не любишь... Нам нужно расстаться!»

«— Нет! Фэн Цин, я люблю тебя больше жизни! Я не активирую эту карту лишь потому, что не вынесу, если чьи-то чужие руки — или даже сенсоры меха — осквернят твоё сокровенное подношение! Оно принадлежит только мне! Лишь я один вправе прикасаться к нему!»

«— Му Чжо...»

Уголок рта Му Чунъяня судорожно дернулся. Не раздумывая ни секунды, он размашистым шагом подошёл к кристально-стеклянному боксу, бесцеремонно сдвинул прозрачный купол и беспардонно сцапал за шкурку маленького звёздного питомца, самозабвенно сидевшего на искусственной лужайке в обнимку с терминалом.

— М-Му Чунъянь?! — от неожиданного полёта Бай Жун едва не выронил своё драгоценное устройство. — Ты... ты чего творишь?!

Вырубив экран, на котором продолжали бушевать шекспировские страсти, Му Чунъянь поудобнее перехватил плюшевого акулёнка за капюшон и поднёс прямо к своему лицу.

— Прекрати забивать голову этой дешёвой чепухой, — строго произнёс он.

— Это вовсе не чепуха! — Бай Жун, за все свои восемнадцать лет жизни не видевший ни одной мыльной оперы, уже успел проникнуться неповторимой эстетикой этого шедевра и теперь был готов стоять за свои права до последнего вздоха. — Этот сериал бьёт все рекорды! Его сейчас смотрит чуть ли не вся Шэнъя... больше ста миллиардов человек!

— Всё равно нельзя. К тому же ты половину слов там не понимаешь.

— Всё я понимаю! — К этому моменту Бай Жун уже успел досконально изучить информацию о высокотехнологичных роботах-звёздных питомцах и отлично знал, под кого косит. Он состроил самые невинные, преданные глазки и, робко теребя пальчики, заговорил вкрадчивым голосом: — Я ведь очень способный... Мой системный протокол прямо указывает, что анализ сложных поведенческих моделей в подобных драмах стимулирует развитие моей программы автономного мышления. Это повысит мою общую функциональность!

Му Чунъянь лишился дара речи.

«...»

— Всё равно нет, — не поддался на манипуляции Му Чунъянь. Категорически не желая, чтобы этот крошечный электронный мозг окончательно расплавился от дешёвой романтики, он без лишних слов убрал терминал в пространственную кнопку. — Ты сегодня обедал?

— Я...

Только сейчас Бай Жун вспомнил, что хозяин днём не возвращался, а сам он настолько ушёл в просмотр сериала, что напрочь потерял счёт времени. Какое там «пообедать» — он даже на часы ни разу не взглянул! Малыш виновато втянул голову в плечи и едва слышно пробормотал:

— Нет, не обедал...

Му Чунъянь честно попытался изобразить праведный гнев, намереваясь проучить неслуха, но, глядя на этот понурый пушистый комочек, не смог вымолвить ни слова упрёка. Он молча перенёс бедолагу к обеденному столу, отправил домашнего робота на кухню кашеварить, а сам активировал наручный терминал и погрузился в чтение служебных отчётов.

Атмосфера в комнате сделалась гнетущей, почти зловещей. Ощущая, как от мужчины веет ледяной стужей, Бай Жун робко поднял взгляд, а затем судорожно поправил свой некогда грозный акулий капюшон. Увы, былая смелость испарилась без следа, а от пронизывающего холода, исходившего от хозяина, ему захотелось сжаться в комок.

Минуты тянулись бесконечно долго. Бай Жун сидел, уныло опустив голову, и то и дело бросал на Му Чунъяня умоляющие взгляды. Однако, как бы призывно он ни вздыхал, мужчина упорно игнорировал его существование, не отрываясь от экрана. Бай Жун совсем пал духом; он тихонько потер зачесавшиеся от обиды глаза, а грозный плавник на его спине сиротливо поник.

Вскоре кухонный автоматон бесшумно выкатился в столовую и расставил дымящиеся блюда. Му Чунъянь погасил голограмму, с каменным лицом наполнил крошечную тарелку питомца и принялся за еду, упорно храня гробовое молчание.

Обиженный до глубины души, Бай Жун вяло ковырял вилкой нежный кусочек рыбы. Наконец он не выдержал и жалобно позвал:

— Му Чунъянь...

Челюсти мужчины на мгновение замерли, но он тут же упрямо продолжил жевать, после чего демонстративно отпил из пиалы бульон.

— Му Чунъянь... — Бай Жун шмыгнул носом и решительно вскинул голову. Набравшись смелости, он повысил голос на целых два тона и с детской обидой выпалил: — Ты... ты занимаешься домашним насилием!

А после секундной паузы тихо и жалобно добавил:

— Молчаливым бойкотом!

<http://bllate.org/book/19815/2118435>